

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ!

Две самые откровенные и эротичные книги под одной обложкой!

Созданный в середине XIV века выдающимся писателем эпохи Возрождения Джованни Боккаччо «Декамерон» хоть и был запрещен, но сумел вызвать интерес публики и буквально разошелся на цитаты. Уникальное собрание ста новелл, в которых раскрывается жизнь дворянского общества, поражающее своей прямоотой и свободой изложения, не утратило актуальности и по сей день!

Спустя двести лет после того, как «Декамерон» увидел свет, французская королева Маргарита Наваррская решила создать свою версию сборника. Новеллы, в которых венценосная особа рассказывала о фривольной жизни дворян, вызвали не меньшую бурю негодования и также были запрещены. Но именно этот сборник рассказов положил начало такому популярному жанру, как французский любовный роман.

Теперь вы можете насладиться чтением двух самых знаменитых произведений эпохи Возрождения без идеологических купюр!



www.ksdbook.ru



9 785991 102546 1

www.bookclub.ua



9 789661 145676 0

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ



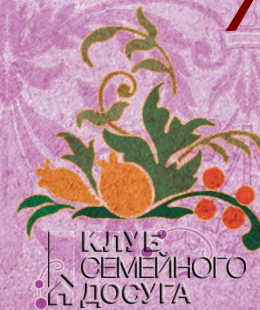
Декамерон
Гептамерон



ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ



Декамерон
Гептамерон







ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ

*Декамерон
Септамерон*



ХАРЬКОВ  КЛУБ
БЕЛГОРОД  СЕМЕЙНОГО
2013  ДОСУГА

УДК 821.131.1 + 821.133.1
ББК 84.4ИТА + 84.4ФРА
Б78



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с итальянского *Александра Веселовского*
Перевод с французского *Алексея Шадрина*

Вступительные статьи и комментарии
А. Штейна, А. Михайлова

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

Художник *Яна Крутий*

ISBN 978-966-14-5676-0 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2546-1 (Россия)

- © ООО «РИЦ Литература»,
составление, 2013
- © Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2013
- © Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», художе-
ственное оформление, 2013
- © ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга»», г. Бел-
город, 2013
- © ЗАО Фирма «Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2013



Декамерон





День первый

Начинается первый день Декамерона, в котором, после того как автор рассказал, по какому поводу собрались и беседовали выступающие впоследствии лица, под председательством Пампинеи, рассуждают о чем кому заблагорассудится

Всякий раз, прелестные дамы, как я, размыслив, подумаю, насколько вы от природы сострадательны, я прихожу к убеждению, что вступление к этому труду покажется вам тягостным и грустным, ибо таким именно является начертанное в челе его печальное воспоминание о прошлой чумной смерти, скорбной для всех, кто ее видел или другим способом познал. Я не хочу этим отвратить вас от дальнейшего чтения, как будто и далее вам предстоит идти среди стенаний и слез: ужасное начало будет вам тем же, чем для путников неприступная, крутая гора, за которой лежит прекрасная, чудная поляна, тем более нравящаяся им, чем более было труда при восхождении и спуске. Как за крайнюю радость следует печаль, так бедствия кончаются с наступлением веселья, — за краткой грустью (говорю: краткой, ибо она содержится в немногих словах) последуют вскоре утеха и удовольствие, которые я вам наперед обещал и которых после такого начала никто бы и не ожидал, если бы его не предупредили. Сказать правду: если бы я мог достойным образом повести вас к желаемой мною цели иным путем, а не столь крутую тропой, я охотно так бы сделал; но так как нельзя было, не касаясь того воспоминания, объяснить причину, почему именно приключились события, о которых вы прочтете далее, я принимаюсь писать, как бы побужденный необходимостью.

Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения Сына Божьего минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно подвигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада. Не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для того назначенными, запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья. Не помогали и умиленные моления, не однажды повторявшиеся, устроенные благочестивыми людьми, в процессиях или другим способом. Приблизительно к началу весны означенного года болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, — здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; народ называл их *gavoccioli* (чумными бубонами*); в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они выступали. Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: таково ли было свойство болезни, или невежество врачующих (которых, за вычетом ученых медиков, явилось множество, мужчин и женщин, не имевших никакого понятия о медицине) не открыло ее причин, а потому не находило подобающих средств, — только немногие выздоравливали и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков, одни скорее, другие позже, —

большинство без лихорадочных или других явлений. Развитие этой чумы было тем сильнее, что от больных, через общение с здоровыми, она переходила на последних, совсем так, как огонь охватывает сухие или жирные предметы, когда они близко к нему подвинуты. И еще большее зло было в том, что не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся. Дивным покажется, что я теперь скажу, и, если б того не видели многие и я своими глазами, я не решился бы тому поверить, не то что написать, хотя бы и слышал о том от человека, заслуживающего доверия. Скажу, что таково было свойство этой заразы при передаче ее от одного к другому, что она приставала не только от человека к человеку, но часто видала и нечто большее: что вещь, принадлежавшая больному или умершему от такой болезни, если к ней прикасалось живое существо не человеческой породы, не только заражала его недугом, но и убивала в непродолжительное время. В этом, как сказано выше, я убедился собственными глазами, между прочим, однажды на таком примере: лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу; две свиньи, набредя на них, по своему обычаю долго теребили их рылом, потом зубами, мотая их из стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закужившись немного, точно поев отравы, упали мертвые на злополучные тряпки.

Такие происшествия и многие другие, подобные им и более ужасные, порождали разные страхи и фантазии в тех, которые, оставшись в живых, почти все стремились к одной, жестокой цели: избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами; так поступая, воображали сохранить себе здоровье. Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают борьбе со злом; собравшись кружками, они жили отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не позволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей из-

вне — о смерти или больных, — они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить. Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять по возможности всякое желание, смеяться и издеваться над всем, что приключается, — вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так по мере сил приводили и в исполнение, днем и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь прослышали, что там есть нечто им по вкусу и в удовольствие. Делать это было им легко, ибо все предоставили и себя и свое имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. И эти люди, при их скотских стремлениях, всегда по возможности избегали больных. При таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как Божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез, потому что их служители и исполнители, как и другие, либо умерли, либо хворали, либо у них осталось так мало служилого люда, что они не могли отправлять никакой обязанности; почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится.

Многие иные держались среднего пути между двумя, указанными выше: не ограничивая себя в пище, как первые, не выходя из границ в питье и других излишествах, как вторые, они пользовались всем этим в меру и согласно потребностям, не запирались, а гуляли, держа в руках кто цветы, кто пахучие травы, кто какое другое душистое вещество, которое часто обоняли, полагая полезным освежать мозг такими ароматами, — ибо воздух казался зараженным и зловонным от запаха трупов, больных и лекарств. Иные были более сурового, хотя, быть может, более верного мнения, говоря, что против зараз нет лучшего средства, как бегство перед ними. Руководясь этим убеждением, не заботясь ни о чем, кроме себя, множество мужчин и женщин покинули родной город, свои дома и жилье, родственников и имущества и направились за город, в чужие или свои поместья, как будто гнев Божий, каравший неправедных

людей этой чумой, не взыщет их, где бы они ни были, а намеренно обрушится на оставшихся в стенах города, точно они полагали, что никому не остаться там в живых и настал его последний час.

Хотя из этих людей, питавших столь различные мнения, и не все умирали, но не все и спасались; напротив, из каждой группы заболевали многие и повсюду, и, как сами они, пока были здоровы, давали в том пример другим здоровым, они изнемогали, почти совсем покинутые. Не станем говорить о том, что один горожанин избегал другого, что сосед почти не заботился о соседе, родственники посещали друг друга редко, или никогда, или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя племянника, сестра брата и нередко жена мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети. По этой причине мужчинам и женщинам, которые заболевали, а их количества не исчислить, не оставалось другой помощи, кроме милосердия друзей (таковых было немного) или корыстолюбия слуг, привлеченных большим, не по мере жалованьем; да и тех становилось не много и были то мужчины и женщины грубого нрава, непривычные к такого рода уходу, ничего другого не умевшие делать, как подавать больным что требовалось да присмотреть, когда они кончались; отбывая такую службу, они часто вместе с заработком теряли и жизнь. Из того, что больные бывали покинуты соседями, родными и друзьями, а слуг было мало, развилась привычка, дотоле неслыханная, что дамы красивые, родовитые, заболевая, не стеснялись услугами мужчины, каков бы он ни был, молодой или нет, без стыда обнажая перед ним всякую часть тела, как бы то сделали при женщине, лишь бы того потребовала болезнь, — что, быть может, стало впоследствии причиной меньшего целомудрия в тех из них, которые исцелились от недуга. Умирали, кроме того, многие, которые, быть может, и выжили бы, если б им подана была помощь. От всего этого, и от недостаточности ухода за больными, и от силы заразы число умиравших в городе днем и ночью было столь велико, что страшно было слышать о том, не только что видеть. Оттого, как бы по необходимости, развились среди горожан,

оставшихся в живых, некоторые привычки, противоположные прежним. Было в обычае (как то видим и теперь), что родственники и соседки собирались в доме покойника и здесь плакали вместе с теми, которые были ему особенно близки; с другой стороны, у дома покойника сходились его родственники, соседи и многие другие горожане и духовенство, смотря по состоянию усопшего, и сверстники несли его тело на своих плечах, в погребальном шествии со свечами и пением, в церковь, избранную им еще при жизни. Когда сила чумы стала расти, все это было заброшено совсем или по большей части, а на место прежних явились новые порядки. Не только умирали без сходбища многих жен, но много было и таких, которые кончались без свидетелей, и лишь очень немногим доставались в удел умильные сетования и горькие слезы родных; вместо того, наоборот, в ходу были смех и шутки и общее веселье: обычай, отлично усвоенный, в видах здоровья, женщинами, отложившими большею частью свойственное им чувство сострадания. Мало было таких, тело которых провожали бы до церкви более десяти или двенадцати соседей; и то не почтенные, уважаемые граждане, а род могильщиков из простонародья, называвших себя беккинами и получавших плату за свои услуги: они являлись при гробе и несли его торопливо и не в ту церковь, которую усопший выбрал до смерти, а чаще в ближайшую, — несли при немногих свечах или и вовсе без них, за четыремя или шестью клириками, которые, не беспокоя себя слишком долгой или торжественной службой, с помощью указанных беккинов клали тело в первую попавшуюся незанятую могилу. Мелкий люд, а может быть, и большая часть среднего сословия представляли гораздо более плачевное зрелище: надежда либо нищета побуждали их чаще всего не покидать своих домов и соседства; заболевая ежедневно тысячами, не получая ни ухода, ни помощи ни в чем, они умирали почти без изъятия. Многие кончались днем или ночью на улице; иные, хотя и умирали в домах, давали о том знать соседям не иначе как запахом своих разлагавшихся тел. И теми и другими умиравшими повсюду все было полно. Соседи, движимые столько же боязнью заражения от трупов, сколько и состраданием к умершим, поступали большею частью на один лад: сами либо с помощью

носильщиков, когда их можно было достать, вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошелся бы, особенно утром, увидел бы их без числа; затем распорядились доставлением носилок, но были и такие, которые за недостатком в них клали тела на доски. Часто на одних и тех же носилках их было два или три, но случалось не однажды, а таких случаев можно бы насчитать множество, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата либо отец и сын и т. д. Бывало также не раз, что за двумя священниками, шествовавшими с крестом перед покойником, увяжутся двое или трое носилок с их носильщиками следом за первыми, так что священникам, думавшим хоронить одного, приходилось хоронить шесть или восемь покойников, а иногда и более. При этом им не оказывали почета ни слезами, ни свечой, ни сопутствием, — наоборот, дело дошло до того, что об умерших людях думали столько же, сколько теперь об околевшей козе. Так оказалось воочию, что если обычный ход вещей не научает и мудрецов переносить терпеливо мелкие и редкие утраты, то великие бедствия делают даже недалеких людей рассудительными и равнодушными. Так как для большого количества тел, которые, как сказано, каждый день и почти каждый час свозились к каждой церкви, не хватало освященной для погребения земли, особенно если бы по старому обычаю всякому захотели отводить особое место, то на кладбищах при церквях, где все было переполнено, вырывали громадные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождая их рядами, как товар на корабле, и слегка засыпая землей, пока не доходили до краев могилы.

Не передавая далее во всех подробностях бедствия, приключившиеся в городе, скажу, что, если для него година была тяжелая, она ни в чем не пощадила и пригородной области. Если оставить в стороне замки (тот же город в уменьшенном виде), то в разбросанных поместьях и на полях жалкие и бедные крестьяне и их семьи умирали без помощи медика и ухода прислуги по дорогам, на пашне и в домах, днем и ночью безразлично, не как люди, а как животные. Вследствие этого и у них, как у горожан, нравы разнуздались и они перестали заботиться о своем достоянии и делах; наоборот, будто каждый

СОДЕРЖАНИЕ

Джованни Боккаччо. ДЕКАМЕРОН

А. Штейн. Джованни Боккаччо и его «Декамерон»	7
Введение	37

День первый

Вступление	40
<i>Новелла первая.</i> Сэр Чаппеллетто обманывает лживой исповедью благочестивого монаха и умирает; негодай при жизни, по смерти он признан святым и назван San Ciappelletto	58
<i>Новелла вторая.</i> Еврей Авраам вследствие увещаний Жианнотто ди Чивиньи отправляется к римскому двору и, увидя там развращенность служителей церкви, возвращается в Париж, где и становится христианином	69
<i>Новелла третья.</i> Еврей Мельхиседек рассказом о трех перстнях устраняет большую опасность, уготованную ему Саладином	74
<i>Новелла четвертая.</i> Один монах, впад в грех, достойный тяжелой кары, искусно уличив своего аббата в таком же проступке, избегает наказания	77
<i>Новелла пятая.</i> Маркиза Монферратская обедом, приготовленным из кур, и несколькими милыми словами подавляет безумную к ней страсть французского короля	81
<i>Новелла шестая.</i> Некто уличает метким словом злостное лицемерие монахов	84
<i>Новелла седьмая.</i> Бергамино своим рассказом о Примасе и аббате Ключны ловко уличает необычную скупость Кане делла Скала	87
<i>Новелла восьмая.</i> Гвильельмо Борсьере в тонких выражениях укоряет в скупости мессера Эрмино де Гримальди	92
<i>Новелла девятая.</i> Король Кипра, задетый за живое одной гасконской дамой, из малодушного становится решительным	95
<i>Новелла десятая.</i> Маэстро Альберто из Болоньи учтиво стыдит одну женщину, желавшую его пристыдить его любовью к ней	97

День второй

Вступление	103
<i>Новелла первая.</i> Мартеллино, притворясь калекой, делает вид, что излечен мощами святого Арриго; когда его обман обнаружен, его	

<i>Новелла семьдесят первая.</i> О том, как умирающая жена шорника из Амбуаза неожиданно исцелилась, увидав, что муж ее ласкает служанку.....	1291
<i>Новелла семьдесят вторая.</i> Читая молитву над покойником, монах соблазняет монахиню, и та признается в своем грехе герцогине Алансонской	1295
Комментарии А. Штейна, А. Михайлова.....	1300

Літературно-художнє видання

БОККАЧЧО Джованні, НАВАРРСЬКА Маргарита
Декамерон. Гептамерон
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальні за випуск *О. А. Дидикина, Т. М. Куксова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Коректори *Р. В. Нізяєва, Т. О. Сьомочкіна*

Підписано до друку 07.08.2013. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 70,56. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

БОККАЧЧО Джованни, НАВАРРСКАЯ Маргарита
Декамерон. Гептамерон

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственные за выпуск *О. А. Дыдыкина, Т. Н. Куксова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Корректоры *Р. В. Низяева, Т. А. Семочкина*

Подписано в печать 07.08.2013. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 70,56. Тираж 10 000 экз. Зак. №

ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москва АО»,
г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А.
Тел. (495) 984-35-23; e-mail: office@bmm.ru

ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

**«Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»»**

61140, г. Харьков-140,
пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ПКФ «Универсальный бизнес»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
Тел.: +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail: ksd@kreda.net.ua

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю. Д.

69057, г. Запорожье, ул. Новостроек, 3
Тел: +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

**Одесское
подразделение**

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Написані найвидатнішим письменником епохи Відродження сто фривольних новел змальовують не лише багатоклірну панораму італійських устоїв, але й концепцію соціальної етики нового суспільства. («Декамерон»)

Одна з найталановитіших і самобутніх новелісток французького Відродження Маргарита Наваррська створила свою книгу під впливом «Декамерона». Її персонажі — принци та дворяни, прості городяни та благочестиві черниці — так само, як і у Боккаччо, одержимі пристрастю кохання, а власне новели сповнені тонкої іронії, еротизму та пустотливих жартів. («Гептамерон»)

Боккаччо Дж.

В78 Декамерон. Гептамерон / Джованни Боккаччо, Маргарита Наваррская ; пер. с итал. А. Веселовского, пер. с фр. А. Шадрина ; вступ. ст., коммент. А. Штейна, А. Михайлова ; худож. Я. Крутий. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 1344 с. : ил.

ISBN 978-966-14-5676-0 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2546-1 (Россия)

Написанные самым выдающимся писателем эпохи Возрождения сто фривольных новел представляют не только многоцветную панораму итальянских нравов, но и концепцию социальной этики нового общества. («Декамерон»)

Одна из самых талантливых и самобытных новеллисток французского Возрождения Маргарита Наваррская создала свою книгу под влиянием «Декамерона». Ее персонажи — принцы и дворяне, простые горожане и благочестивые монахины — так же, как и у Боккаччо, одержимы любовной страстью, а сами новеллы полны тонкой иронии, эротизма и озорных шуток. («Гептамерон»)

УДК 821.131.1 + 821.133.1
ББК 84.4ИТА + 84.4ФРА